

Глеб Долбин

Старая Пыль

16+

Глеб Долбин
Старая Пыль

«ЛитРес: Самиздат»

2000

Долбин Г.

Старая Пыль / Г. Долбин — «ЛитРес: Самиздат», 2000

Предлагаю читателям рассказ из жизни журналиста Петра Орлова, - веселого и ироничного профессионала, любителя жизни и отменного сердцееда...

Глеб Долбин Старая Пыль

...Вдруг она заполнила собой всю комнату, сделав еще более мрачной и тесной. Ее глаза вмиг оказались смотрящими в мою душу, лакая ее, опустошая тело, лишая ее живительной энергии. Клыки стали невероятно огромными, а гневная пена на губах превратилась в запекшуюся кровь.

Это становилось невыносимым, и я принял единственно правильное, на мой взгляд, решение и... провалился сквозь землю.

Но насладиться ощущением полета не удалось: на меня мчался весело раскрашенный трамвай, разевающая зубастую пасть и гудя голосом моего телефона. Я не стал ждать, когда железный кузнечик меня раздавит, и стал медленно выплывать на свет божий.

Это действительно звонил телефон и единственным человеком, кому я мог понадобиться в субботний день, был мой босс. Это женщина. Это ее искаженный образ пытался лишить меня рассудка в кошмарном сне. И хотя я говорю, что это женщина, сам не всегда этому верю: деловая хватка у нее вполне мужская!

Но мы с ней ладим. Она дает мне работу и неплохо ее оплачивает.

Я отогнал остатки сна и взялся за трубку телефона:

– Алло, Петр Андреевич? Доброе утро! – голос был добрым, но это, впрочем, ничего не значило. – Как провели ночь?

Я не стал таять в лучах ее доброжелательности (эх, минуй нас пуще всех печалей и барский гнев и барская любовь!) и невесело оборвал:

– Марья Петровна, когда вы дадите мне возможность истратить честно заработанные гонорары? Я дома всего лишь вторые сутки, меня еще не перестали преследовать запахи помоек и свалок – я действительно в течение двух недель готовил статью о жизни бомжей, заgrimированный под их братву лучшими мастерами Москвы, – к тому же вчера я был жутко пьян, значит, сегодня имею похмелье! Пощадите!..

– Я жду вас у себя в офисе через час! – безапелляционно отрезала она мое скуление и дала отбой.

Три года ... три года я уже работал на эту стерву и на ее проклятую газету! Вряд ли вы не читали хотя бы раз это скандальное издание, а если нет, то значит, в свое время вас забыли обучить грамоте! Ушлая и скользкая, наша газета руками ее репортеров разгребала жар и копалась в чужом грязном белье; на ее полосы с одинаковым успехом могли попасть и интервью президента и исповедь проститутки, подкрепленные соответствующими фотозарисовками. «Голая» правда занимает людей гораздо больше, нежели приукрашенные истории. Именно эта заинтересованность и держит «на плаву» бульварное чтиво, подобное нашему, и дает неплохие средства к существованию занятым в его изготовлении людям.

В газету я попал почти со дня ее основания – три года назад. К этому времени у меня уже был опыт в добывании экстраординарной информации для одного захудалого журнальчика, бывшего в застойные времена в фаворе у советских женщин, но, лишившись государственной поддержки после грянувшей перестройки, резко сошедшего на нет. Видимо, некоторые из моих репортажей, опубликованные в нем, не прошли мимо внимания Марьи Петровны, владелицы нового издания. Она позвонила мне, и после недолгих колебаний я бросил малоперспективный журнал, проживший, кстати, после моего ухода не более полугода, и оказался в «Гипотенузе». Столь пикантное название газеты, по всей видимости, было призвано будить у читателей некоторые ассоциации со словом «гипотезы», которых на ее полосах выдвигалось невероятное множество!

С тех пор я не знаю покоя: бесконечные репортажи по свежим – и не очень – следам происшествий, на которые у моего босса был поистине собачий нюх, выезды на поиски материала во все концы России и ближнего зарубежья, в том числе и в «горячие точки», сделали меня постоянно готовым к разного рода передвижениям.

Наскоро приняв душ и выпив чашку крепкого кофе, я помчался на своей новенькой «Ауди» в редакцию.

Живое воплощение моего кошмарного сна восседала в кожаном кресле с высоченной спинкой за огромным столом с массивной дубовой столешницей. По ее правую руку, как и в любом уважающем себя постсоветском офисе, пестрел электронными таблицами монитор компьютера, по левую же – бронзовая пепельница в виде трепанированного черепа неандертальца почти в натуральную величину, которая сейчас была с верхом утыкана окурками, фильтры которых измазаны характерными отпечатками от губной помады праздничного ярко – красного цвета. Она носила очки в изящной золотой оправе, делающие выражение ее лица несколько кокетливым; короткая стрижка и мини – юбка выдавали в ней натуру чувственную, но вечно недовольно сдвинутые к переносице тонко выщипанные бровки красноречиво говорили о том, что чувственность эту надо еще разбудить, что вряд ли кому – то удастся! Натура властная, она не терпела панибратства и потому, – даже несмотря на то, что мы с ней были почти ровесниками, – велела всегда называть ее по имени – отчеству. Так же она величала и всех работающих под ее подчинением, даже несовершеннолетнего курьера Павку, отчего тот всегда покрывался пунцовыми пятнами и мигом становился в стойку «всегда готов!»

Кабинет был густо прокурен и тяжелые слои сизого дыма лениво двигались в лучах утреннего солнца. Можно было подумать, что Марья всю ночь провела здесь. Хотя ...

– Петр Андреевич, здравствуйте! – второй раз за сегодняшнее утро поприветствовала она и кивнула на кресло напротив себя.

Желваки ее тут же заиграли, а глаза изучающе смотрели мне в переносицу.

– Есть дело, неотложное дело! – она явно ждала продолжения моего утреннего гнева, но я решил не спешить. Вообще – то она женщина неплохая...

– Вчера Демидов вернулся из командировки по Краснодарскому краю и рассказал об интересном случае в одном из районов Кубани, где творятся странные вещи. Осенью прошлого года тамошние школьники один за другим сводили счеты с жизнью. Причем одним и тем же способом – через повешение. Вам не кажется это заслуживающим внимания? – ее глаза азартно заблестели: наверняка она уже видела кричащие первые полосы «Гипотенузы».

Чертов Демидов! Наверняка все время проторчал на пляжах Черного моря, – вон ведь какой загорелый вернулся! – все свои материалы высосал из пальца, да еще и приплел про самоубийства малолеток, а теперь из – за него мчись невесть куда, пусть даже и на юг! Юг мне сейчас очень даже ни к чему, у меня на сегодняшний вечер назначено свидание!

Я полгода добивался этой взаимности и даже будучи загримированным под бродягу, часто подходил к заветному дому, чтобы еще раз увидеть Ее! Однажды даже ее мать дала мне полбуханки хлеба, несколько мелких монет и хотела всучить брюки «секонд хэнд», от чего я благородно отказался. В какой – то момент захотелось тут же пасть на колени и просить руку и сердце ее дочери, но, к счастью, я вовремя вспомнил, что нахожусь на службе.

И вот теперь долгожданное свидание придется снова перенести на неопределенное время, в чем я ни грамма не сомневался: у Марьи был фантастический нюх на сенсации! И уж уронить тираж из – за моих вспыхнувших не вовремя чувств – на это она ни в жисть не пойдет! Уж такова она, Железная Маша!

В слух же я проговорил, вмиг превратившись во внимание и с интересом тайком рассматривая ее весьма подвижные маленькие груди, спрятавшиеся в глубоком декольте:

– Разумеется, это заслуживает внимания, особенно учитывая вашу способность чувствовать сенсацию задолго до ее рождения ...

– Орлов, не будем «кормить» друг друга комплиментами, хорошо? Так вот, – продолжала она, закуривая очередную сигарету, – вы поедете на Кубань и «намоете» там как можно больше информации об этих происшествиях. Дело действительно серьезное, если в одну из станиц направлен даже опытный детский психолог из Москвы.

Вычислив мои любопытные взгляды, Марья запахнула декольте и грозно предупредила:

– Орлов, психолог из Москвы – молодая девушка, не дай вам бог уваливать за ней в ущерб делу!

Как всегда! Марья явно была ко мне равнодушна и, я чувствовал, тайком частенько ревновала. Может быть и на этот раз, узнав о моей новой пассии, решила разорвать этот хрупкий еще союз, сослав меня на Кубань. Нет, я ей определенно нравился! Кто знает, может когда –нибудь, когда «Гипотенуза» принесет ей достаточно денег, она отдаст мне свое сердце ...

Но все сладкие грезы тут же бесследно растаяли, стоило мне взглянуть ей в глаза:

– Вы меня поняли, Орлов?

Глаза «железной леди», лишённые каких – либо обещаний ...

– Когда я должен ехать? – поинтересовался я, тайком надеясь на то, что сегодня вечером все еще буду в Москве.

– Вам заказаны билеты на самолет до Краснодара на три часа дня. Вот краткие справки по этому делу, данные Демидовым, – она протянула сложенный вдвое листок бумаги с отпечатанным на принтере текстом.

Демидов всегда набирал письма на компьютере, ибо имел почерк ужасный – нечто среднее между арабской вязью и древней клинописью. Никто никогда не мог прочесть ни одного слова из его записей, да к тому же Демидов был левшой и писал справа налево, сокращая на гласные буквы.

Но шут с ним, с почерком, а вот то, что уже сегодня вечером я буду вдыхать ароматы колосющейся пшеницы, в то время, когда моя возлюбленная не будет находить себе места от скуки и одиночества – это уже полная катастрофа.

Но просить об отсрочке приговора было все равно бесполезно, в этом я убеждался не единожды.

– Вот деньги на командировочные расходы, – Марья протянула пухлый конверт, – не забывайте отчитываться за каждый потраченный рубль. И, умоляю вас, не попадайтесь больше на глаза гипнотизирующим цыганкам, вы очень внушаемы! – в ее словах просквозила ирония.

Фу, кажется прокатило! Удалось – таки без излишних вопросов списать часть перерасходованных на развлечения сумм из прошлого редакционного задания, объяснив это проделками цыганок. Конечно, Марья не принимала все это за чистую монету, не такая она дура, но все же решила не «копать» под это дело. Видимо, я неплохо справился с тем заданием, а может быть, здесь все же сыграла не последнюю роль ее заинтересованность мною, как мужчиной ...

– Орлов, я не приму больше от вас никаких оговорок, если хоть одна копейка будет потрачена не на пользу делу! Цыгане – это был последний раз! Я не позволю разорить «Гипотенузу»! Мне не понаслышке известна ваша тяга к спиртному, о девушках я уже предупредила! Не дай вам бог!..

– И все же это были цыгане... – задумчиво произнес я, размышляя над тем, как это смогу выполнить столь строгие инструкции. Ладно уж насчет девушек... Но ехать к казакам и не отведать горилки!..

– Идите, Орлов, я желаю вам удачи! Постарайтесь вернуться недели через две, не позже. Да, и не уходите в «автономное плавание», как вы это любите порой делать, почаще давайте о себе знать.

В ее голосе вдруг послышалась усталость. И когда я взялся за ручку двери, она негромко добавила:

– Я буду ждать вас!

Обернувшись, я увидел в ее глазах какой – то необычный, несвойственный им блеск, напоминающий любовное томление...

Но тут же ее лицо приняло знакомое рабочее выражение, и брови снова сбежались к переносице. Выйдя в коридор, я увидел идущего навстречу Демидова, жующего гамбургер величиною с тубетейку, усыпанный шляпками грибов. Его огромный живот, сидящий на икс – образных ногах, при каждом шаге лихо подпрыгивал.

Завидев меня, Демидов поправил засаленным пальцем очки и, усмехнувшись, саркастически пропищал:

– Опять на помойку собрался, доедать отходы?

– А, это ты, фабрика по производству дерьма! – парировал я. – Все никак не нажрешься? У тебя, видать, кишечник как у утки...

– Не умничай! – обиделся Серж. – Куда направили теперь?

– Представь себе, на курорт! Еду на Кубань жрать самогон, водить девок в подсолнухи и курить анашу!

– На Кубань!.. – сладостно закатил глаза Демидов. – А я только оттуда!

– Лучше бы ты оттуда не возвращался! – в сердцах пожелал я. – Из – за твоей наводки теперь меня посылают «мыть тему».

– Да ты не расстраивайся, Орлов! Кубань – это круто! Прикинь: Сочи, море, дикий пляж под Туапсе... Могу посоветовать, где круто можно отдохнуть, и недорого! Найдешь себе домик на берегу с одинокой вдовствующей хозяйкой – красота! А еще там есть такая девушка! Жанна, психолог из столицы, обалденная красотулечка! – Демидов закатил от воображаемого удовольствия глаза. – Между прочим, загорает в кукурузе голяком! Да – а! Сам видел! Мы с ней жили душа – в душу, она даже мне книгу подарила!

Он достал из своего «дипломата» томик «Детской психологии».

– А тебе не кажется, что она подарила тебе эту полезную книгу с тонким намеком на твой недоразвитый ум?!

– Нет! – с серьезным видом покачал головой Серж. – Если бы ты знал, какие мы с ней вели беседы, ты бы не посмел говорить так! Да что с тобой спорить, все знают, что ты пошляк и скандалист, замараешь любые добрые начинания уже только одним своим присутствием!

– Зато ты своим присутствием украсишь любую тусовку! Это как пить дать!

– Слушай, Орлов, ты передавай там Жаннке привет, хорошо? Скажи, скучаю по ней очень... – глаза Демидова заволокла лукавая пелена:

– О, Кубань...

* * *

Воздушные дороги в России ничуть не лучше дорог земных – в этом я убедился, будучи в полете. Наш «Ту – 154», обшарпанный на вид лайнер, то и дело трясло, словно «запорожец» на деревенских ухабах. Это так действовало на нервы, что расхотелось даже заигрывать со стюардессой, – приятной черноглазой шатенкой. Завидев, что мой интерес к ней несколько угас, она тут же с радостью начала кокетничать с соседом через проход. Теперь каждый раз, когда он шептал ей что – то на ушко, она так низко наклонялась, что виднелись ее голубые плавки с множественной инвентарной надписью «Аэрофлот». У нее были красивые бедра, но тут «Тушку» снова затрясло и я раздраженно стал смотреть в иллюминатор. Когда – то я служил в воздушно – десантных войсках и высота не вызвала во мне никаких отрицательных эмоций, но даже на военных самолетах не было такой тряски!

Тем временем сосед весьма удачно пошутил, и стюардесса громко рассмеялась. Ее трясущаяся попка вмиг оказалась перед моим лицом. В другое время я пришел бы в восторг, но воздушная дрожь и переживания по поводу насильственного разлучения с любимой оконча-

тельно выбили меня из колеи; чувствительно ущипнув рыжую за ягодицу, попросил принести мне пива.

Девица вскрикнула и, продолжая улыбаться своему новому знакомому, неохотно побрела выполнять заказ.

Вручив мне бутылку теплой «Балтики», она снова повернулась ко мне задом.

Даваясь горячей пивной пеной, я снова принялся смотреть на землю через спящего соседа.

Полтора часа пролетели незаметно, вскоре самолет уже был на подлете к Краснодару, и в круглой раме иллюминатора виднелись внизу частые желто – зеленые квадраты полей. Ослепительной синевой блеснула гладь водохранилища и лайнер начал снижаться.

Стоило только ступить на трап, как в лицо дохнула ужасающая жара. Даже в тени было не меньше сорока градусов! Выпитое пиво мигом оказалось на рубашке.

В вестибюле аэропорта я первым делом выпил холодной минералки, выстояв в небольшой очереди у буфета, затем присел за свободный столик и достал из кейса конверт с «наводками» Демидова. Суть отчета состояла в том, что в некоем Калининском районе осенью прошлого года была зафиксирована вспышка детского суицида. Пальму первенства в этом деле удерживала станица Старовеличковская (приводились данные о ее площади, численности населения, а также фрагмент карты), в которую даже был направлен детский психолог из столицы. Вспышка произошла внезапно, ничего подобного до последнего времени здесь не случалось.

Далее приводились собственные умозаключения Демидова: «возможные причины детских самоубийств: влияние недавно созданной на территории района секты (то ли «Белых братьев», то ли баптистов), суровое казачье воспитание (ну, Демидов!), происки сатанистов(?), иные негативные воздействия на психику подростков (как то: невысокий в среднем уровень жизни в станице и в целом по району, трудности в реализации своих способностей)...»

Далее шел полный демидовский бред, читать который не имело никакого смысла, – все равно предстояло браться за дело с самого начала и выяснять все самому.

Вообще – то тема, на первый взгляд, могла показаться малоперспективной, раскрыть которую не составляло никакого труда, – подумаешь, ну вышел район на первое место, ну, случайность, везде ведь происходит в наше время подобное, – но что – то все же в ней начинало меня привлекать.

Поразмыслив еще некоторое время, я уже был твердо убежден, что должна была быть какая – то вполне объективная, пусть даже и банальная, причина всему творящемуся в Калининском районе.

С такой твердой уверенностью я пошел ловить такси.

Поначалу я хотел было напрямик поехать в станицу, но кантоваться в такую жару в общественном транспорте не было никакого желания, а тратиться на частного извозчика – и тем более. Попросив водителя довести меня до центра Краснодара, я зашел в региональную редакцию одного массового, дружеского нам издания. Здесь передал кучу приветов от Марьи и попросил какой – нибудь транспорт на время.

«Девятка», любезно предоставленная в мое распоряжение, была позорного бледно – коричневого цвета, кое – где облезлая, но все же вполне «на ходу». Купив в ближайшем киоске «Роспечати» подробную карту края, я, немного попетляв по городу, все же вскоре нашел нужную мне трассу и двинулся в путь.

Девушки в Краснодаре были что надо! То и дело сзади сигналили клаксоны, когда я, впиваясь взглядами в стройные ножки, «засыпал» на светофорах. Вид праздного прогуливающегося, попивающего холодное пиво горожан вызывал тоску; захотелось забросить на сегодня все дела, загрузить машину подружками и порулить, общаясь по вечернему городу, который я почти не знал. Я вообще довольно коммуникабельный и новые места жуть как обожаю. Незнакомый

город – что новая женщина – всегда манит и интригует. В столице Кубани мне приходилось бывать несколько раз, но все больше проездом.

Из шестидесяти километров, отделяющих станицу от города, большая часть пути лежала среди полей золотистой пшеницы и подсолнечника с огромными шляпками. Не устояв перед соблазном, я сделал остановку в одном месте и, нарвав их с полдесятка, всю дорогу грыз аппетитные молодые семечки.

Машина быстро лопала километр за километром. Солнце уже село, и на поля опустились сумерки. Радио уже потеряло волну, и я ехал, наслаждаясь шумом шин, по шикарной для этих мест трассе и вдыхал начинающий остывать воздух, насыщенный целой гаммой ароматов. Распахнув все окна, я теперь словно парил в воздухе. Ощущение напоминало затяжной прыжок с парашютом, когда задыхаешься от стремительного потока воздуха и переполняющего тебя восторга!

Идиллию нарушил моргающий впереди на обочине свет аварийных фонарей. Фары осветили машущего руками человека в милицейской форме. Я всегда уважал автомобильное братство и сбросил газ.

– Братан, выручай! Не заводится, чертова колымага, может, посмотришь, а? В долгу не останусь!

Заупрямившаяся машина была старой марки БМВ, заметно уже расшатанная; ее просторный салон весь был забит автомобильными шинами, – попавший в беду капитан явно подрабатывал бизнесом.

– Что, совсем молчит? – стал выяснять я, заглядывая под капот.

– Да вот смотри... Остановился справить нужду и все... – хозяин залез в авто и, дергая плечами, несколько раз повернул ключ. – Вот видишь, тишина...

Причину «смерти» машины я наше почти сразу: оборвался провод, питающий стартер; оставалось только подивиться, как это товарищ милиционер не смог починить элементарную поломку – обычно они все такие умные! А если бы это случилось зимой?! Замерз бы, однозначно...

Соединив провода, я покопался еще некоторое время для проформы во внутренностях железного коня, после чего скомандовал:

– Заводи!

– Ух ты, уже?! – обрадовался мой новый друг и прытко запорхнул в кабину.

Движок чихнул и тут же весело затарахтел, сопя проржавевшим глушителем.

– Мастак! – похвалил меня приятель. – Залезай ко мне, выпьем по бутылочке пивка!

– Я же за рулем! – удивился я такому некорректному предложению с его стороны.

– А ты куда едешь?

– В Старовеличковскую.

– Скажешь, Кепочкин «крышу» дал, если остановят менты – меня в районе каждая собака знает! Давай, залезай!

От новых знакомств я никогда не отказывался, зная по собственному опыту: очень часто самые случайные знакомые становятся незаменимыми людьми! А уж тем более знакомство с таким человеком, который бесплатно раздает «крыши» и которого в интересующем меня районе «знают все собаки»!

Вытерев руки о протянутую мне ветошь, я плюхнулся на сиденье.

– Знаешь, сейчас так мало на свете добрых людей... Всё больше бандиты да разные пиндосы, а ты парень – что надо! Откуда катишь? Машина вроде бы с краевыми номерами, а базар у тебя ненашенский. Москаль, что ли? – пристально посмотрел он мне в лицо, протягивая откупоренную бутылку как ни странно вполне прохладного пива.

– Из Москвы, – согласно кивнул я.

– Чем занимаешься? – не унимался новый знакомый, отхлебывая из горлышка большими глотками.

– Я журналист.

– Из какого журнала?

– Из газеты «Гипотенуза».

– А, как же, слышал о такой! Моя жена ее выписывает. Она влюблена, видите ли, в какого – то тамошнего писаку Орлова! Кстати, мне тоже понравилось, – но чисто профессионально, не более! – как он раскрывал эти преступления на свалках, где убивали бомжей. Это надо ж так додуматься: загримироваться, войти в доверие к бродягам и вывести убийцу на чистую воду! А ты – то этого Орлова знаешь?

– Немного, – кивнул я; пиво было замечательным, надо запомнить марку!

– Если честно, попадись он мне на глаза, я бы его измутил так, что он бы забыл, как сочинять свои басни! Измутил бы и показал своей Светке – смотри, мол, никакой это вовсе не герой, а так, щегол...

– Один бы ты не справился с ним! – заверил я.

– А я бы спецназ вызвал!

– Ну, тогда конечно! – развел я руками; узнать о том, что я так популярен среди провинциальных замужних женщин – это ли не высшая награда?!

– А ты откуда едешь, затаренный колесами? – поинтересовался в свою очередь я – пиво располагало к доверительной беседе.

– На рынке был, торговал резиной. – Кепочкин важно развалился на своем сидении.

– А форма зачем? Ведь милиции нельзя заниматься предпринимательской деятельностью? – искренне удивился я.

– Это у вас там, в Москве, может и нельзя, а тут – можно! А форма – для понта дела. Форма – это моя визитная карточка, понял? Кто ж меня в форме – то тронет?!

– А ежели начальство какое высокое узрит безобразие? – продолжал я задавать наивные вопросы.

– Начальство на рынке резину не покупает, ее ему домой привозят, – резонно заметил Кепочкин.

Пиво в моей бутылке закончилось и, попрощавшись со своим новым знакомым, я побрел к «девятке».

– Тебя как зовут – то? – поинтересовался он, провожая меня.

– Петр.

– Так и скажи, Петр, если кто остановит из моих коллег, что Кепочкин «крышу дал»!

Понял?

– Так точно!

– Вот так! Это тебе будет своеобразный «проездной» по всему району. Нормально?

– Отлично, – согласился восторженно я и, обменявшись рукопожатиями, мы расстались обалденными друзьями.

В станицу я въехал уже затемно и принялся петлять в поисках гостиницы, которую вскоре нашел: она располагалась в одном здании с рестораном, занимающий весь второй этаж.

Сама гостиница – всего лишь несколько грязных, неудобных, тесных, почти пустых комнаток. Покосившаяся тумбочка, железная пружинная кровать да стол с потрескавшейся полировкой – вот и все убранство. Из удобств – раковина с холодной водой в кране, да туалет в конце коридора – кстати, один и на гостиницу, и на ресторан, в котором сейчас гудела свадьба, а посему в отхожее место была очередь; курили прямо в фойе и дым ел глаза.

Пожилая бабулька – в одном лице и заведующая номерами и вахтерша – вручила мне ключи, тщательно перед этим изучив мой паспорт, а узнав, что я журналист, переписала куда –

то себе и данные удостоверения. После чего объяснила, что постельные принадлежности есть, но нестиранные, но если за дополнительную плату...

Разумеется, за дополнительную! Я вручил ей деньги и вскоре уже застилал покрытый ржавыми пятнами матрац почти белоснежной простыней. Хуже было другое: на окнах не было не то что решеток, но даже захудалых шпингалетов! А ведь в моем «дипломате» было новейшей техники на несколько тысяч долларов! Пропади он, и ни на каких цыган до конца жизни не спишь! Пришлось снова идти на поклон к дежурной, где в кабинете я заприметил массивный сейф. За «отдельную плату» добрая бабушка любезно разрешила поместить туда дорогостоящий чемодан.

Наверху грянула эстрада, и я понял, что ночь будет веселая. Послышалось лихое цоканье каблучков, гул и топот. «Ты ж мэнэ пидманула, ты ж мэнэ пидвела...» – сокрушался обманутый влюбленный. Да уж, безутешна казацкая любовь!

Неожиданно нахлынули тоскливые чувства и захотелось позвонить своей покинутой по злой воле судьбы любимой, успокоить ее хотя бы тем, что жив, здоров, доехал до места нормально, завтра приступаю к работе. Я отстегнул висевший на поясе сотовый телефон, но тут же отправил его на место: ни о каком роуминге в этой глуши, разумеется, мечтать не приходилось... Эх, а ведь как я привык к этим чертовым штучкам – дрючкам, что без них чувствовал себя как паралитик.

Делать было нечего, пришлось идти снова к доброй бабушке и, заплатив, пользоваться ее телефоном, негодую на долгое время недоступную междугородку. Изрядно помучившись, все же удалось сладить с допотопной связью и в квартире моей ласточки весело затренькал зуммер аппарата. Но, как вскоре оказалось, совершенно безответно...

Это вконец вывело меня из себя и, дав со злости вахтерше чаевых больше, чем ей полагалось, я вернулся в номер. Растянувшись на кровати, недовольно крякнувшей тронутыми ревматизмом пружинами, стал думать – гадать, где это носит мою суженую. В голову, однако, шли мысли одна опаснее другой, к тому же обездоленный желудок начал давать о себе знать и, чтобы не сойти с ума от ревности и не умереть с голодухи, решено было развеяться в поисках пропитания.

Свадьба к этому времени в очередной раз сгрудилась в фойе первого этажа для планового перекура. Стоял дикий гам. Пробираясь через толпу, я заметил симпатичное личико невесты, в табачном дыму выглядевшее почти мистически; наши взгляды встретились и ее бровки изобразили изумленьице: что, дескать, за незнакомый тип здесь ошивается? Почему не знаю?

«Да вот, видите ли, проездчком тут... извините...», – подумалось игриво, и я нагло подмигнул, улыбнувшись одной из своих улыбок, получавшейся наиболее очаровательно.

Это попало в цель – она пунцово зарделась и потупила свой заостренный тайным интересом взгляд. Но тут же снова подняла густые длинные ресницы и – о, мама! – послала легонький воздушный поцелуй! Это несколько компенсировало непонятное молчание московского телефона.

На улице я поинтересовался у крепко держащего колонну крыльца мужика, где здесь ближайший бар. С огромным трудом сфокусировав на мне взгляд, он, долго соображая, ткнул, наконец, пальцем в неопределенном направлении и обессиленно выдохнул: там! Однако, проследив в указанном направлении, я в конце концов увидел лишь чьи – то торчащие из кустов, обутые в штиблеты, ноги явно спящего человека.

Почесав в задумчивости затылок, я подумал, что это больше похоже на «перебор», нежели на «бар», и решил пойти туда, слышалась музыка явно дискотечного характера.

Интуиция меня не подвела: вскоре я увидел яркую вывеску бара «Жемчужина», рядом с которым и гудел, словно потревоженный улей, огороженный сетчатым забором летний дансинг.

На крыльце у входа стайка подростков тут же принялась изучать меня на предмет мордобоя, но оценив по достоинству мой возраст, вес и рост, благоразумно решила близкого знакомства не заводить.

Внутри было тесновато, но довольно – таки клёво. Сердце радостно екнуло от предстоящего ужина, а глаза принялись подыскивать свободное местечко.

На первый взгляд показалось, что все столики были заняты посетителями, но тут передо мной выросла любезно улыбающаяся девушка в малюсеньком белоснежном передничке; была она высоченная, даже в сравнении с моим немалым ростом. Приветливо поздоровавшись, она указала на притаившееся в уголке свободное местечко.

– Что желаете? – сверкнула она обворожительно черными глазами.

Изучив бегло меню, я заказал себе горячее первое блюдо, пол – литра водки и кое – что из закусок.

Чтобы не тратить времени зря, откупорил стоявшую в томительном ожидании бутылку пива и жадно осушил стакан. Ну вот, теперь я на «исходной позиции!». Приступил к изучению неизвестной местности.

Неместных здесь вычисляли сразу: стоило мне появиться в баре, как десятки пар глаз липко принялись изучать меня. Правда, вскоре мужскую половину посетителей моя персона все же перестала интересовать, лишь девушки нет – нет, да и бросят увлеченный взгляд – другой...

Пиво было вкусное, и я принялся рассматривать этикетку: «Новороссийское», – такое же, каким меня угощал Кепочкин.

Вскоре принесли мой заказ. От аппетитно дымящегося супчика потекли слюнки. Для начала же я налил себе стопочку водки из запотевшего графинчика и медленно выпил.

Я был доволен: мне нравилась эта спокойная станица, этот тихий летний вечер вдали от душных столичных смогов; нравились взгляды тайком и открытое порхание около моего столика молоденьких симпатяшек, надеющихся, что я предоставлю им посадку рядом с собой. И я начал было подумывать, не завести ли действительно с кем – либо из них полезное знакомство, но эти мои раздумья были прерваны самым грубым образом: две подвыпившие подружки лет двадцати пяти каждая бесцеремонно плюхнулись на свободные места около меня и, переглянувшись друг с дружкой, принялись рассматривать мой графин.

– Привет, девчонки! – прервал я их тихую грусть.

– Привет, тебя как звать? – одна из них все же перевела взгляд на меня.

– Петр. Хотите выпить?

– О, Петр – классное имя! – оживились они. – Нам чуть – чуть...

Я налил по полной, с интересом наблюдая.

Они тут чокнулись между собой и мигом проглотили водку. Видеть, как их личики скорчились от горечи, было выше моих сил, и я подвинул к ним закуски, от которых они не сочли нужным отказаться.

... Вечер удался. С моими новыми знакомыми мы пили, танцевали, много болтали и снова пили, пили. В конце концов около трех ночи они вдруг куда – то исчезли и я стал пробираться к выходу. В глазах яркие фонари и деревья парка кружили лихие хороводы; ноги то и дело норовили потерять твердь тротуара, заноса время от времени то вправо, то влево. Все же, привыкший к жизненным неудобствам, я довольно скоро добрался до гостиницы.

Свадьба утихла, лишь несколько вконец обессиленных казаков спали в фойе на банкетках, отчаянно храпя.

Бесцеремонно разбудив бабульку, я еще раз позвонил в Москву и опять трубку там никто не поднял...

В полнейшем изнеможении я укатился в конце концов на говорящую кровать в своем номере и уснул беспокойным сном.

...Снились молоденькие казачки в ярких платьицах, украшенные разноцветными лентами и венками из цветов; они пили со мною водку, а затем звали за собой в густые заросли подсолнухов...

...Потом привиделась счастливо улыбающаяся Марья, ведущая Орлова под венец...

* * *

День уже был в самом разгаре, когда я наконец проснулся. Солнце за окном пекло невероятно и в номере стояла ужасающая духота, от которой все тело покрылось липкой испариной. Спросонья я поискал было пульт дистанционного управления от кондиционера, но тут же вспомнил, что подобные удобства остались далеко отсюда в моей московской квартире.

Тяжело, словно перегруженный «Боинг», я поднялся к кровати и побрел к раковине. Присосавшись к кранику, затушил горевший где – то глубоко внутри пожар и осмотрел себя в прибитом тут же на стене треснувшем зеркальце неопределенной формы; оно было небольшим и пришлось осматривать свой фейс фрагментами. После осмотра всех фрагментов картина вырисовывалась неутешительная: лицо оплыло и потеряло черты былой чертовской привлекательности, зато приобрело несвойственный обычно зеленовато – серый оттенок. Срочно требовалась реанимация!

Я переделся в купальный костюм, обвязал вокруг торса полотенце и побрел в душ в конце коридора.

Свадьба снова пела и плясала, и весь первый этаж, как обычно, заполонили курильщики. Успевшие подвыпить дамочки провожали меня восторженными взглядами.

Довольно кряхтя, я плескался под холодными струями, мало – помалу возвращавшими меня к жизни. Вскоре слабость во всем теле сменилась оптимистичной бодростью.

Вернувшись в номер, вскипятил чай, легко позавтракал, пожурил себя для профилактики за вчерашнее пьянство, взял фотоаппарат и диктофон и отправился на поиски Жанны, детского психолога из Москвы. Из записей Демидова следовало, что прием она ведет в Доме культуры, который я вчера заметил недалеко от «Жемчужины». Но сегодня было воскресенье, вряд ли она будет на рабочем месте, хотя...

«Хотя не все же такие безалаберные, как ты, Орлов!» – пронеслась в голове неуловимая мысль.

На крыльце клуба репетировал духовой оркестр, от медных звуков которого в голове тут же появился болезненный резонанс.

– Скажите, где я могу найти детского психолога? – поинтересовался я у бабульки–вахтерши, лениво гонявшей от себя назойливых мух.

– Прямо и направо, – объяснила она, не прекращая своего занятия.

«Баскова Жанна Ивановна, психолог», – гласила надпись на двери. Не надеясь на ответ, я постучал.

– Войдите, – раздался за дверью звонкий голос.

Она сидела за столом у распахнутого окна и ветерок легко шевелил ее взбитую челку. Завидев меня, девушка отложила в сторону книгу и с интересом посмотрела своими черными глазками с не по возрасту взрослым выражением.

– Разрешите? – спросил я, вваливаясь через порог.

Бегло осмотрев меня с ног до головы, Жанна остановила свой взгляд на висевшем на моей груди фотоаппарате и, улыгнувшись, поднялась со своего места.

– Вы корреспондент, верно?

– Это так заметно? – сделал я удивленное лицо, осмотрев себя.

– Из «Гипотенузы», угадала?

– Вы на всех оттачиваете свои психологические трюки или только на газетчиках?

Она рассмеялась и протянула руку:

– Жанна... Да просто был тут недавно один ваш коллега...

– Демидов? Жирный такой...

– Вот – вот, Демидов, – вздохнула почему – то она. – Назойливый такой тип.

– И за это вы подарили ему томик «Детской психологии»? – иронично поинтересовался я, присаживаясь на стул.

– Что? Я?! Так это он спер, значит, у меня учебник! А я, между прочим, полрайона после этого избегала в поисках этой книги! Урод!

– Урод – урод! – быстро подхватил я, в душе радуясь, как расскажу всем в редакции о его глупой выходке.

– Мы познакомились с ним случайно на побережье, куда меня любезно пригласил съездить председатель колхоза, выделив место в автобусе с передовиками. Демидов стал ухаживать за мной, а когда узнал о моей работе, начал расспрашивать о самоубийствах детей в станице. Не думаю, чтобы его это так уж волновало, скорее чисто профессиональный интерес, не более. Но он навязался ехать обратно со мной, сославшись на то, что хочет сделать на этих бедах большую статью. Поначалу он действительно взялся за тему, но со своими расспросами попался однажды кому – то под горячую руку. Какие – то ребята его жутко запугали, он стал нервным и совершенно потерял к этому делу интерес, а вскоре и вовсе укатил не попрощавшись даже, зато прихватив на память книгу.

– Кому – то могло не понравиться, что он интересовался самоубийствами?

– Кому? – искренне удивилась Жанна.

– А каково ваше мнение в этом вопросе? И вообще, не расскажете ли мне об этом, обещаю, я буду внимательным слушателем, а из всего услышанного сделаю хорошую статью.

– Вы говорите точно так же, как Демидов! – заметила Жанна.

Сравнивать меня с Демидовым – это был удар ниже пояса! Но я стоически стерпел.

– Я постараюсь подать материал так, чтобы привлечь внимание людей к этой теме. И потом, я не «стригу» гонорары из пустопорожних баек, каждая моя заметка – это журналистское расследование, доведенное всегда до логического конца.

– Вы полагаете, что в самоубийстве детей есть логика? – теперь она смотрела на меня изучающе.

– Должна быть логика в массовости этого явления, тем более локализованном в пределах одного района. Но пока еще рано делать какие – то обобщения, ведь я даже не посвящен в это дело и не услышал ваш рассказ – рассказ специалиста!

Я пододвинулся поближе к столу и снял с плеча фотокамеру, приготовившись внимательно слушать.

– Но мы могли бы познакомиться для начала, не так ли? – улыбнулась она моей настойчивости. – Или вы предпочитаете работать инкогнито?

– Меня зовут Петр Орлов, – я протянул ей визитную карточку.

– Орлов? – удивилась Жанна и, на некоторое время всмотревшись в мое лицо, быстро поднялась со своего места и подошла к шкафу, забитому книгами и различными папками.

Вскоре она вернулась с кипой скоросшивателей и газетой, в которой я еще издали узнал родную «Гипотенузу». Девушка быстро полистала ее, затем стала сравнивать что – то изображенное там с моим лицом.

– Это вы? – она развернула страницу, на которой была помещена фотография оборванца, склонившегося над трупом.

– Разве не похож? – удивился я.

– Почти нет...

Тогда я достал из блокнота вырезку трехмесячной давности, где был изображен в компании с Александром Любимовым на церемонии вручения «Тэфи». Здесь я себе нравился: сни-

мок был сделан с низкой точки и я выглядел этаким белозубым великаном, стоявшим рядом с телезнаменитостью. Внизу стояли наши с Любимовым фамилии.

– А здесь – похож?

По загоревшимся живым интересом глазам я понял, что теперь она меня узнала и поверила, что тот бомж из «Гипотенузы» и Петр Орлов – одно и то же лицо.

– Ну и ну! – все еще удивлялась Жанна. – В Москве мне с вами никогда не пришлось бы встретиться, вот ведь странно, да?

– Оставьте себе на память! – предложил я.

– А можно? – она почти не верила в происходящее.

– Пока нет...

Я взял из ее рук снимок, поставил на его обратной стороне свой залихватский автограф и снова вернул себя новой хозяйке.

– Теперь – можно!

– «Милой Жанночке от покорного слуги Петра Орлова в знак дружбы и признания. Искренне ваш П.Орлов, ст.Старовеличковская», – прочла она вслух и мило покраснела.

– Теперь вы сделаете мне ответный подарок и расскажете вашу историю, – попросил я и достал диктофон.

– Да – да, – встrepенулась она, – это началось около года назад. По совершенно непонятным причинам школьники от десяти – одиннадцати до семнадцати даже лет начали сводить счеты с жизнью. Безо всяких видимых причин они среди бела дня набрасывали на шею веревку. Никто из них не оставлял никаких посмертных записок, ни у кого не было каких – либо серьезных причин для рокового шага. Непонятно...

– Из каких семей были погибшие дети?

– Из самых разных. Вообще, вы знаете, я вот уже около трех месяцев бьюсь над этой загадкой, но никаких сколь – либо заметных закономерностей обнаружить не удалось. Посудите сами: в возрасте детей – большой разброс, среди них есть дети из интеллигентных во всех отношениях семей, и из семей неблагополучных, есть дети полностью обеспеченные, и не искушенные различными благами; интересы у всех самые разнообразные... Пик этого явления пришелся на октябрь – декабрь прошлого года и мы опасаемся, что в осенний период – не дай бог, конечно! – произойдет новый всплеск детского суицида!

– На чем основаны подобные опасения?

Жанна несколько помедлила с ответом, задумавшись, затем твердо ответила:

– Это, наверное, глупо, но меня почему – то не покидает смутное предчувствие... ведь я много разговариваю с родителями подростков, они тоже словно ждут чего – то дурного... Возможно, всему виной наэлектризованность психологической атмосферы, вызванная прошлогодними самоубийствами. Ведь здесь почти все знают друг друга и представьте себе, что чувствовал каждый человек, когда чуть ли не ежемесячно хоронили несчастных детей. И это при всем том, что в других районах обстановка в этом плане была нормальной... Недоброе предчувствие не оставляет меня, и чем ближе осень, тем тревожнее на душе.

– У меня два вопроса, – прервал я, – во – первых: я правильно понял, что среди самоубийц были лишь мальчики?

– Да, самоубийств среди девочек не наблюдалось.

– Почему бы это, по – вашему?

– Возможно, здесь играют роль значительные различия в психике тех и других...

– Допустим. Во – вторых: была ли замечена за тот же период вспышка суицида среди взрослого населения?

– Я лично не интересовалась такой статистикой, ведь моя специализация – дети, но сколь либо заметных вспышек скорее всего не было...но я точно не могу сказать! – было заметно, что Жанна старается быть как можно объективнее.

– Из вашего рассказа явно чувствуется существование некой причины, пусть даже и, предположительно, мистической, приводящей в действие весь механизм суицида в станице. Возможно, отсюда и ваши опасения... Найти эту причину – это и станет нашей задачей.

– Не верю я в мистику... – покачала головой девушка.

– Я – тоже! Здесь в районе действует секта, вы не знаете ее названия?

– Н – нет... – задумалась она, – но я знаю, что никто из покончивших с собой не состоял ни в каких сектах!

– Тоталитарные секты – заведения весьма закрытые, если не сказать – конспиративные. Проверить это все равно будет необходимо. Ведь зомбирование людей – сейчас это ни для кого не секрет. А что может быть проще, чем внушить молодому человеку, по сути – ребенку, всякие мысли, не совместимые со здравым смыслом?

– Но зачем понадобилось губить детей?! – недоумевала Жанна.

– Да хотя бы из чистого любопытства! Ведь безнаказанность порождает вседозволенность: внушили одному ребенку мысль о самоубийстве, другому... а сколько еще поддастся внушению? Как быстро? Все это не укладывается в рамки здравого смысла, но, поверьте, в подобных сектах происходят подчас и более чудовищные вещи! Кстати, вспышка суицида произошла среди детей, находящихся в стадии активного полового созревания, верно?

– Да, почти во всех случаях это именно так.

– Какие у вас есть материалы по этим случаям?

– У меня только карточка с именами и некоторые факты, все объективные данные – в районном ОВД. Я посмотрела их, но ничего существенного для себя не обнаружила.

– Каким образом были совершены удушения?

– Посредством самых различных сподручных вещей – от бельевой веревки, проволоки до ремня от брюк.

– То есть и здесь не наблюдается никаких закономерностей?

– Абсолютно никаких! – вздохнула Жанна. – Вы возьмите эти папки, здесь все более – менее подробно описан каждый случай. К сожалению, я приехала сюда когда вспышка уже угасла, так что многого объяснить не могу. Но сколь – либо существенно на картину происходящего мое присутствие в станице вряд ли повлияло...

– Вы очень любите свою работу? – задал я лукавый вопрос, любуясь юной горячностью, с которой Жанна объясняла мне детали дела.

– Да! – удивленно взглянула она на меня и, заметив откровенный интерес в моем взгляде, тут же смутилась.

– Я бесконечно благодарен вам за подробности, а теперь хотел бы пригласить вас в «Жемчужину». Хотите пива?

– Нет, я на работе, но от «Пепси – колы» не откажусь! – согласилась девушка и пояснила: – Жарко...

– Но сначала я сделаю снимок, позволите?

– Прямо сейчас? – она принялась поправлять прическу, с ужасом наблюдая, как я снимаю чехол со своего «Никона».

– Да, прямо здесь, на рабочем месте! – я прильнул к видоискателю, оценивая ракурс.

Стильной композиции в этой полупустой комнате с окрашенными темно – голубой краской панелями не получалось; брать же в кадр полуразвалившийся шкаф было и вовсе не эстетично. Тогда, не мудрствуя лукаво, я взял в рамку Жанну, сидевшую за книгой, и когда взгляд ее красивых черных глаз поравнялся с осью объектива, нажал на спуск.

Камера еще жужжала, перематывая кадр, когда она задала вопрос, который волнует больше всего на свете всех женщин, – по – крайней мере, по моим многочисленным наблюдениям:

– Я не буду выглядеть уродиной? – спросила она, кивнув прелестной головкой на камеру.

Я хотел было рассмеяться, но подумав, что это для нее в данный момент вопрос жизни и смерти, просто заверил:

– Вы будете выглядеть чудесно, я вам обещаю! Идемте?

Но дойти до бара нам было сейчас не суждено: в дверях кабинета мы столкнулись с запыхавшейся вахтершей; вся ее лень куда – то испарилась и, задыхаясь от возбуждения, она затараторила:

– Жанночка, опять человек повесился! Ох, беда – то какая... – она схватилась за грудь.

– Опять ребенок?! – Жанна побледнела.

– Нет, на этот раз, слава Богу, не дети... Загоруйко Степан Федорович, бывший главный агроном колхоза, – хороший был человек! Я подумала, может это будет вам интересно...

– Где он проживал? – взял я инициативу в свои руки.

– Степная улица, номер дома не помню... да вы найдете, улица небольшая! – и объяснила, как проехать.

– Ждите меня на крыльце клуба, я сбегаю за машиной.

Примчавшись в гостиницу, я расчехлил фотокамеру и сунул ее в простой полиэтиленовый пакет с ручками – снимать, возможно, придется тайком. Затем зашел к заведующей номерами и попросил закрыть в сейфе папки, переданные мне Жанной.

Завидев меня, бабулька вмиг сделалась усталой на вид:

– Орлов, опять придете пьяным ночью и будете ставить «на уши» гостиницу?! – ее взгляд сверлил меня почти осязаемо.

– Ну что вы, тетя Маша! – я наклонился и чмокнул ее в щечку в знак подтверждения своих слов.

– Я вас выселю, Орлов, вот увидите! – пригрозила она. И когда я закрывал уже дверь, добавила негромко:

– Проказник!..

Через несколько минут я подкатил уже к Дому культуры, где меня ждала Жанна.

– Вам так интересна смерть этого старика? – поинтересовалась она, садясь в машину.

– Теперь все, что творится в станице, представляет для меня интерес, – серьезно кивнул я головой.

– Но ведь к самоубийству детей это не имеет скорее всего никакого отношения...

– Ничего нельзя знать заранее.

Немного подумав, она вынуждена была согласиться со мной.

Нужный дом значился под адресом Степная, тринадцать. Я не суеверный человек, но все же подсознательно отметил этот факт. Около него стоял милицейский «уазик» канареечного цвета и «скорая помощь».

Дом был стареньким, но выглядел вполне добротным. К нему примыкала огромная беседка, густо переплетенная виноградной лозой, прямо с потолка которой свисали огромные сочные грозди спелого винограда. Из комнат доносился женский плач. На пороге стоял со скупающим видом молоденький сержантик милицейской службы.

При нашем приближении он начал неуверенно переминаться с ноги на ногу; я решил сыграть на этом замешательстве:

– Мы врачи, – соврал я, – а это – специалист по самоубийствам! – представил я несколько смутившуюся спутницу.

– Проходите, там уже есть врач, – пожал плечами сержант, уступая дорогу.

Это был уже довольно – таки пожилой человек лет шестидесяти пяти. Его лицо изборождено морщинами, а голова была белоснежной от седины. Теперь он неподвижно висел на веревке, привязанной сверху вокруг массивной деревянной балки; петля так туго стягивала его худую шею, что казалось вот – вот оторвет голову несчастного. Лицо было багрово – синюшным с выпученными глазами и вывалившимся распухшим языком.

Лишь взглянув, Жанна тут же спряталась за моей спиной и мелко задрожала, – вид самоубийцы произвел на нее сильное впечатление. Я легонько пожал ее руку и продолжил осматривать помещение.

Здесь уже работали следователь, подробно описывающий место происшествия, и криминалист, делающий фотоснимки. Плачущую навзрыд вдову утешал молодой человек лет тридцати пяти, явно ее сын.

Закончив формальности, следователь подошел к ней и негромко задал вопрос:

– Почему он поступил так?

– Он сильно болел в последнее время, у него был рак. Но я никогда не думала, что он может так поступить, ведь он очень переживал, как мне трудно придется после его смерти... я не понимаю... – она снова зарыдала.

– Снимайте! – кивнул следователь людям в белых халатах и пошел в соседнюю комнату. Следом тут же направился и молодой человек, поддерживая вдову.

Мне удалось сделать несколько снимков, когда, подставив лестницу – стремянку, санитары начали перерезать веревку. Они удивились было фотовспышке, но тут же потеряли к ней всякий интерес, занявшись своим делом.

Подхватив все еще дрожащую Жанну под руку, я направился к выходу. Неожиданно на пороге возникла фигура все того же молодого человека; был он почти одного роста со мною и такой же крепкий. Лицо его сейчас было перекошено какой – то непонятной яростной злобой, а глаза, горевшие ненавистью, уставились на меня.

– Что вам здесь надо? – скрипнул он зубами и бросил беглый взгляд на пакет, в котором я прятал фотоаппарат; видимо, он заметил блики фотовспышки и это вызвало в нем вполне объяснимое негодование.

– Что здесь делает детский психолог? – удивленно взглянул он на Жанну.

– Не детский психолог, – пояснил я, проскальзывая в дверь, – а специалист по самоубийствам!

– Вот как? – глаза его округлились. – И по какому праву вы вмешиваетесь в чужое горе?

– Извините нас... – попросила прощения растерявшаяся от его напора девушка.

– Пошли к черту отсюда! – яростно бросил он.

Его тон взбесил меня; я пропустил Жанну вперед, затем вернулся и, взглянув в глаза грубияну, ткнул ему в грудь указательным пальцем и негромко сказал, стараясь быть спокойным:

– Это не похоже на самоубийство, вам не кажется?

– Еще чего? – рявкнул он.

– Балка, к которой привязывалась веревка, слишком высока для роста старичка, даже лестницу – я кивнул на уносящего стремянку мальчишку – пришлось взять у соседа, чтобы снять тело. Или вы полагаете, что немощный, почти не встававший в последнее время, человек мог без труда взобраться на такую высоту?

И, оставив молодого человека раздумывающим над моими словами, я развернулся и пошел к машине.

Жанна выглядела уже немного лучше.

– Я так испугалась! – призналась она. – Никогда не думала, что я такая трусиха.

– Вы вели себя очень мужественно, – не согласился я, заводя «девятку».

– Станица словно взбесилась! Или над ней висит какое – то проклятье. Даже номер дома – Степная, тринадцать... – глаза девушки возбужденно блестели.

– Чертовщина, – согласился я и постарался перевести разговор в другое русло: – Сейчас мы едем в бар, хорошо? Ведь негоже из – за мертвецов пропускать обед. И еще: я думаю, мы достаточно знаем друг друга, чтобы попытаться говорить на «ты».

– Не знаю, получится ли у меня... – засомневалась Жанна.

– Получится! – заверил я и улыбнулся – впервые со дня своего отъезда из Москвы вполне счастливо.

Мы сидели на летней террасе «Жемчужины» и попивали пиво. Вокруг весело заливались птицы, солнце зашло за облака и подул освежающий ветерок. Жанна довольно быстро смогла привыкнуть ко мне и теперь я ловил на себе ее милые взгляды.

– Расскажи о себе, – предложила вдруг она, приготовившись внимательно слушать.

Вопрос несколько смутил меня, обычно не лазающего за словом в карман.

– Я – простой парень, – начал я, явно буксуя, – люблю иногда выпить... люблю свою работу и отдаю ей все свое время. Не люблю комплексовать и скромничать; не завоевываю дешевых авторитетов на сомнительных делах, никогда ни пред кем не пресмыкаюсь и не перекрашиваюсь в другие цвета. У меня есть хобби – затяжные прыжки с парашютом... вроде бы все...

О своих слабостях к женскому полу я скромно умолчал.

– Ты женат? – как бы между прочим «копнула» собеседница.

– Боже упаси! – откинулся я на спинку стула. – Орлы в неволе не живут!

– Вообще – то орлы довольно неплохо существуют в неволе, я видела их в зоопарке...

– Я знаю, тоже видел: они там какают друг на друга и постоянно борются за самое высокое место – совсем как люди! Нет, мне такая жизнь не по душе. Я, разумеется, отдаю себе отчет в том, что рано или поздно вручу свое сердце в руки прелестной дамы, которая превратит мою жизнь в четко работающий по расписанию вокзал, где мне будет отведена роль поезда, сотрет необратимо творческий беспорядок в моем доме, нарожает кучу детей, сожжет утюгом любимую рубашку, занесет имена моих старых друзей в «черный список» в памяти телефона, опустошит все кредитные карты, а потом сядет обессиленная и уставшая в купленное мною в долг кожаное кресло, вытянет на журнальном столике свои холеные ножки и, попивая бурбон, с видом пренеприятным скажет: «Боже мой, Орлов, и куда только смотрели мои глаза, когда я выходила за тебя замуж?! Я была такой глупой, наивной девчонкой, а ты, кобель, ты сломал мою жизнь, ты сделал из нее ад, ты – ничтожество! Но я вынуждена терпеть все это ради наших детей...» А дети чуть подрастут и запустят свои острые зубки в мою постаревшую уже плоть, и будут сосать и без того жидкую кровь. И тогда вершиной наслаждения для меня станет надеть дырявое трико, прикрыть плешь картузом и слинять на часок – другой к пивнушке, чтобы, пустив скупую мужскую слезу в кружку, пожаловаться на судьбу – злодейку старинным приятелям... Ну, как? Разве стоит так уж спешить изменять свою жизнь?

Жанна весело рассмеялась.

– Ты утрируешь, Петя! Все на самом деле далеко не так уж и мрачно, и в браке есть свои положительные стороны.

Я отметил это ее «Петя»: прекрасный знак, переходим от первого этапа знакомства к стремительно развивающимся дружеским отношениям! В темном конце туннеля замерцал неяркий пока еще, но манящий свет...

– Неправда, я уверен, что именно со мною так и будет!

– А профессия журналиста – она какая? – не стала дальше спорить она со мной.

– Какая? – не понял я.

– Опасная?

– Она, прежде всего, интересная. Может быть, порой и опасная, но я не задумываюсь над этим никогда, ведь и на самолете летать опасно, но никто же лишний раз не думает об этом, просто покупают билет и летят. А уж кто действительно боится полетов, тот просто едет поездом. Вот и вся арифметика моей профессии. Я просто всегда хорошо делаю свое дело, не могу иначе. Стараюсь никогда не сдаваться и не идти на поводу у обстоятельств. Я воспринимаю жизнь как игру в шахматы – многогранную, непредсказуемую, в которой всегда найдется

этакий «ход конем», изменяющий течение всех последующих событий... Утомил своей философией?

– Ну что ты? Не часто ведь приходится беседовать с героем нашего времени. С ума сойти! Я сейчас, здесь, в свои двадцать пять лет сижу и воочию беседую с живым Петром Орловым, неутомимым, веселым, легендарным журналистом. Фантастика!

– Ой – ой – ой! Ты вгоняешь меня в краску, а мужчинам не полагается краснеть! – в самом деле несколько смутился я – слова девушки звучали так искренне и бесхитростно, что все услышанные ранее похвалы показались вмиг лицемерными и пустыми. – Будет лучше, если ты запомнишь меня просто классным парнем! Этаким болтуном, приехавшим в этот благодатный край спасти от смерти юных мальчишек.

– Ты ведь спасешь их, честное слово? – с надеждой в голосе спросила Жанна, вмиг становясь серьезной. – Знаешь, если снова повторится этот массовый суицид, я буду чувствовать себя всю оставшуюся жизнь несчастной, бесперспективной клушей! Я поклялась, что никогда больше не буду заниматься детской психологией! Что я за психолог, если вокруг меня станут умирать дети, а моя роль будет сводиться лишь к тому, чтобы фиксировать на бумаге все эти случаи и опускать глаза, чтобы не видеть горя несчастных матерей! Ты ведь не бросишь это дело, обещаешь?

В ее словах было столько горячности и юного максимализма, что я тут же поспешил успокоить ее:

– Я доведу это дело до конца – иначе мне незачем будет в дальнейшем заниматься журналистикой. Обещаю!

– Это так здорово, что теперь не одна! Знаешь, чем глубже я задумываюсь над этим делом, чем больше собираю и аккумулирую материала, тем мне все больше и больше становится не по себе. А по ночам иногда бывает страшно; страх какой – то необъяснимый на бессознательном уровне; словно какая – то злая сила, злой рок навис над станицей. Поэтому я так обрадовалась, когда Демидов заинтересовался этим делом. Но – ты удивительно верно подметил! – кто – то явно не хочет, чтобы кто бы то ни был расследовал эти дела, вновь и вновь делал их достоянием гласности. Поэтому – то Демидова и запугали до полусмерти, и он был вынужден бежать, даже не удосужившись объяснить, что происходит. Ты представляешь мое состояние, когда он в одночасье вдруг испарился из станицы? Можешь себе представить, что я чувствовала? Ведь если они могли запугать Демидова, что тогда они могли сделать со мной? Ведь я ежедневно собираю информацию. Я так верила Демидову...

Ее глаза сделались вдруг печальными, и где – то в глубине моей души на миг распустила острые когти ревность, оцарапав. «Если бы ты знал, какие мы с ней вели беседы!..» – сладковатые слова Демидова зазвучали в ушах так ясно, что я даже поежился, давя в себе ярость.

– С тобой все в порядке? – забеспокоилась девушка, видя резкую перемену в моем состоянии.

– Все хорошо, – очнулся я, – теперь ты не одна и вместе мы раскроем эту тайну.

Она благодарно улыбнулась и положила свою маленькую, совсем еще детскую ручку поверх моей и, как мне показалось, нежно пожалала ее.

Потом мы прокатились на каруселях, насладились с высоты птичьего полета изумительными видами Величковки и окрестностей, забравшись на «чертово колесо», посетили игровые автоматы и даже сходили на футбольный матч, основательно затарившись пивом. Там мы до хрипоты горланили «оле – оле!», наводя своим воинственным видом ужас на зрителей, не понимающих настоящего кайфа от футбольного зрелища и случайно, видимо, попавших сюда от скуки. Но потом оказалось, что мы просто по ошибке «болели» против местной команды «Восход»; вскоре мы разобрались в ситуации и исправили свою ошибку, после чего в нашу сторону стали поглядывать с долей уважения и даже подхватывали лихой клич. Словом, сотворили из серого представленьца неплохое шоу и болельщики, даже после финального свистка,

как нам показалось, с неохотой покидали стадион. И всюду я снова и снова нажимал на затвор фотоаппарата, делая массу снимков, центральной фигурой которых была Жанна...

Уже совсем стемнело, когда я подвез ее домой на квартиру, где она снимала комнату у одинокой женщины. Стоило нам только подъехать, как хозяйка тут же вышла к калитке и стала причитать на местном диалекте:

– Жанночка, ну где ты так долго пропадаешь, я уже и не знаю, что думать! Ты бы как – нибудь предупредила меня, нехорошо – нехорошо! – она незло погрозила пальцем. – А хто це за хлопец с тобой? Опять журналист?! Гоны их в шию, на кой лад воны нужни! Хваты, був один боров, – поив, попыв, гад такый, и сбиг, даже не полностью заплатыв за жильє. Оце так! Оце так журналист! Тьфу! Одно слово – жулик! Москаль! Мы их поим, кормим, а воны нас всю жизнь дурять! – перешла она на политические мотивы.

– Тетя Зоя, это хороший журналист, он не обманет!

– Все равно в хату я больше репортеров не пуцу! Хай спыть у своем авто! Вот! Там ему и место!

– Демидов жил с тобой? – спросил я, чувствуя, как от ревности подкашиваются ноги.

– Не со мной, а снимал комнату в этом же доме. Даже не комнату, а просто спал на веранде на раскладушке, – пояснила Жанна.

– И вы беседовали с ним о звездах, и прочих высоких материях? – завелся я, чувствуя себя несправедливо обманутым.

– Я говорила с ним только на темы, которые меня волновали, – о гибели детей! А если тебе что – то не нравится, так собирайся и двигай обратно в Москву, там по тебе уже местная тусовка наверняка соскучилась! А мы здесь и без тебя во всем разберемся. И еще, – она уже почти кричала, – моя личная жизнь никого не касается, даже такого маститого и титулованного типа, как Орлов!

Резко повернувшись, она пошла к калитке.

Ее слова подействовали на меня словно ушат холодной воды, а дерзкий тон вызвал уважение. Я умею оценить по достоинству стремление к независимости! Действительно, я переусердствовал в своих чувствах.

Тетя Зоя каркаяще рассмеялась, радуясь, что «журналюга» потерпел фиаско.

– Так ему и надо, молодец, Жанночка, гоны его в три шии! Воны токо и могут, шо брехать, газетчики несчастные!

Я догнал ее почти у калитки и ухватил за руку. Она не стала сопротивляться и скандалить дальше, – она была умницей! Просто обвила руками мою талию и прижалась к груди.

С высоты моего роста она казалась маленькой, совсем юной девочкой. Мне вдруг стало стыдно за свою несдержанность.

– Ты больше не будешь думать обо мне плохо? Обещаешь? – в ее голосе появились теперь совсем другие нотки, – так говорят друг с другом обычно люди, очень близкие друг другу.

Я прижал ее к себе и осторожно погладил своей жесткой ладонью по шелковистым волосам.

– Извини, я не хотел...

– Эх, молодежь... – с досадой махнула рукой тетя Зоя, сожалея о несостоявшейся драме, слезла с калитки и побрела вглубь двора, бормоча себе под нос.

Жанна приподнялась на цыпочках и поцеловала меня в щеку. На ее глазах блеснули в ярких лучах полной луны слезы. Прикоснувшись губами к ним, я почувствовал их горько – соленый вкус, – вкус горя и страданий... Мне не был чужд этот вкус... Дуралей! Надо же с первого дня знакомства наводить порядки в чужой судьбе!

– Я пойду, ладно? – Жанна нежно пожала мне руку и улыбнулась в знак примирения.

– Извини! – задержал я еще на миг ее ладонь.

– Угу... – совсем по – детски согласилась она, вздохнув.

Все стало вновь на свои места, и звезды вернулись обратно на небосвод. Хотелось радоваться и плясать...

– Сколько задолжал Демидов твоей хозяйке? – поинтересовался я.

– Полторы тысячи рублей.

– Завтра я завезу деньги, ведь это бросает тень на нашу репутацию, да и не хорошо получилось...

– Было бы неплохо, – согласилась Жанна, – она ведь совсем одинокая женщина, даже дети ее не навещают вот уже много лет... А так она очень добрая. – Она освободила свою руку из моего захвата и, мило помахав ею, пошла домой.

– Спокойной ночи, Петя! – услышал я за спиной, когда коснулся дверцы «девятки». Боже мой, это ж когда меня последний раз – то называли так просто по имени? Уж и не помню даже. Конечно, «Петр Орлов» звучит весьма ярко и для слуха приятно, но...

Я был благодарен своей новой знакомой и бесконечно счастлив. Я ехал к себе в гостиницу неспешно, наслаждаясь ласковым летним вечером. Проезжая через дамбу, остановился, вылез из машины и полюбовался серебристой тропой лунного света, делившей речку Понуру вдоль. Тишину наполнял нестройный хор лягушек, почему – то казавшийся комическим.

Приемник вдруг запел голосом Юрия Шевчука, солиста моей любимой группы «ДДТ»; «Ты не думай, что жизнь нам дана совершенно бесплатно...» – пел он. Я полностью с ним согласен: за все в этом мире надо платить свою цену. Но коль изредка она дарит встречи с такими замечательными людьми, какой была Жанна, не страшна была никакая цена! Жизнь – игра, и скучно было бы, господа, если бы все доставалось нам на блюдечке с той самой пресловутой «голубой каемочкой». Жизнь прекрасна! Какую бы цену за нее не заломили...

В этот вечер я мило побеседовал с тетей Машей и совершенно удовлетворенный лег в постель. Звонить в Москву совершенно расхотелось и я стал даже подумывать, что столичный роман себя исчерпал...

...В эту ночь мне снилась только Жанна.

* * *

На следующее утро я позвонил в районный ОВД, где рассчитывал получить материалы по делу о погибших детях. На всякий случай прихватил с собой малюсенький цифровой диктофон, сделанный под брелок и прикрепленный к связке ключей, и цифровую фотокамеру, замаскированную под пачку «Мальборо». Этот шпионский набор регулярно помогал мне добывать самую уникальную информацию. Это были те самые штучки – дрючки, без которых не мыслилась работа журналиста. Записывающие звук модели с жутко жужжащими проводами отошли, к счастью, в прошлое, как и громоздкие фотоаппараты, от щелчков затворов которых не вздрагивали разве что мертвецы и совершенно глухие товарищи. Новейшие достижения цифровых технологий позволяют нынче делать свою работу тихо, не привлекая излишнего внимания к своим действиям.

Еще вчера я случайно обнаружил за тумбочкой в своем номере телефонную розетку. Она оказалась подключенной к АТС, и я поставил себе на руке небольшой крестик, дабы не забыть купить телефонный аппарат, – теперь и это чудо техники будет в моем распоряжении! За несанкционированное пользование решено было рассчитаться перед отъездом.

По пути в районный отдел внутренних дел, который находился в соседней станции километрах в десяти от Величковки, я заехал в фотолабораторию – экспресс и сдал пленки в проявку, попросив с каждого кадра сделать по одному отпечатку.

Приемщицей здесь была миловидная на вид девушка, и я не удержался и угостил ее большой плиткой шоколада. По ее удивленному виду было заметно, что такой щедрый клиент ей

попадаете впервые. Зато теперь в фотолаборатории меня знали немного больше, чем просто человека с улицы.

Полным ходом шла уборка урожая, и на трассе то и дело приходилось обгонять грузовики, под завязку наполненные золотистым зерном. Они нескончаемым потоком двигались в сторону видневшегося вдали элеватора. Зрелище было в высшей степени завораживающим, и я даже сделал снимок на память. Да, Кубань, несомненно, житница России!

Отдел представлял собой небольшое старое строение, за которым во внутреннем дворике высилась новостройка – тюрьма, окутанная со всех сторон, словно паутиной, блестящей в лучах солнца колючей проволокой – «егазой».

– По какому делу? – грозно спросил гориллообразный детина – дежурный, записывая в журнал мои паспортные данные.

– По личному, к начальнику милиции.

– Начальника нет, есть его заместитель Кепочкин, – произнося фамилию он скорчил кислую гримасу.

– Тогда мне к Кепочкину! – обрадовался я – значит, мой знакомый был замом здешнего начальника, неплохо!

«Кепочкин Иван Севостьянович» – прочел я на блестящей медью табличке и толкнул дверь.

Мой знакомый сидел, развалившись в кресле, положив ноги в армейских ботинках на стол, и, вооружившись пилочкой, пристально изучал свои ногти.

– О, Петр, привет! – не меняя позы поприветствовал он весело, завидя меня в дверях. – Пива хочешь?

– Нет, спасибо, я по делу.

– По делу... – сморщился Кепочкин. – Срочное?

– Я хотел бы ознакомиться с материалами нашумевшего дела о самоубийстве детей в Старовеличковской.

– И ты думаешь, тебе такие материалы предоставят? – удивился моей наивности Кепочкин. – Да кому же охота рыться в архивах? И на каком основании мы должны предоставлять журналистам деловую информацию? – хитро прищурился он.

– Но ведь делам – то этим хода не давали, нет там состава преступления, так, констатация фактов...

– Гоняешься за сенсацией? – понимающе кивнул головой мой знакомый. – Эх, Петр – Петр! И где ты взялся на мою голову!

И, нехотя поднявшись, Кепочкин, корчась от боли в затекшей от неудобной позы спине, махнул рукой:

– Пойдем к начальнику, друг! Если он даст «добро», значит, так тому и быть.

– Так начальника ведь нет! – удивился я.

– Как нет? Ты видел, как он уходил в окно из своего кабинета? Мимо меня, по крайней мере, никто не проходил.

Он толкнул расположенную тут же дверь и заглянул внутрь.

– Заходи тихо, что – то не ладится у Георгия Григорьевича, невеселый он...

Георгий Григорьевич, колобкообразный, как и положено быть всем начальникам, с круглой лысой головой человек, сидел, окутанный каким – то едким сизым дымом, и выпученными глазами немигающе смотрел в стоявший на полке напротив телевизор, из которого и исходила вся эта вонь.

– Сгорел? – возбужденно кинулся клацать переключателем Кепочкин, совершенно забыв о моем присутствии.

– Сгорел, Ваня, сгорел... – глубоко вздохнул начальник и скорчил скорбную гримасу. – А ведь через час будут «Ментов» показывать... Что делать, Кепочкин, что будем делать, я спрашиваю?! – он вдруг закричал басом, багровея.

– Поедем домой посмотрим! – спокойно предложил тот.

– Домой нельзя, комиссия сегодня должна приехать... Вы, молодой человек, по какому делу? – кивнул он мне с видом смертельно уставшего человека. – Сегодня я не принимаю, придите завтра.

– Я мог бы попытаться починить телевизор, – решил я взять инициативу в свои руки.

– Да? – изучающе смерил меня взглядом шеф и прокричал: – Чего стоишь, Кепочкин? Давай сюда паяльник, олово и пастогой! – перепутал он с канифолью.

Я снял ящик с полки на стол и отворил заднюю крышку; как я и предполагал, высоковольтный трансформатор – строчник был весь в копоти и в одном месте на его пластмассовом корпусе прогорела дыра. Обычная беда черно – белых отечественных телевизоров.

За всеми моими манипуляциями Григорий Георгиевич наблюдал с благоговейным трепетом, словно за непонятными и загадочными пассами шамана.

– Нашел! – вихрем влетел в кабинет Кепочкин, держа в руках массивный паяльник, которым впору было паять самовары, а не нежную электронику.

– Есть у вас в станице магазин радиодеталей? – поинтересовался я, располагаясь на столе.

– Обижаешь, земляк! А что надо? – Григорий Григорьевич весь превратился в слух.

Я черкнул в своем блокноте название трансформатора и вырвал листок.

– Кепочкин, отдай это Скобе, пусть мигом мчится в магазин за запчастью!

– Слушаюсь, Григорыч! – козырнул Кепочкин под неприкрытую голову и вылетел за дверь. Но тут же вновь возник из – за косяка: – А на какие деньги покупать?

Начальник поморщился:

– Кепочкин, ну не жадничай, возьми из тех, что выручил за резину!

– Ну ладно... А может, у Скобы занять? – неуверенно предложил он.

– Отставить превышать служебные полномочия! – рявкнул шеф. – Да беги ты, беги, а то не увидим кина!

Потом поднялся со своего места:

– Пойду, молодой человек, покурю пока. Не буду мешать, так сказать, таинству ремонта!

Пока неведомый Скоба гонял за деталью, я выпаял обуглившийся транс и подготовил место для годного. Глубинных познаний в радиотехнике я не имел, и если помимо строчника сгорело еще что – нибудь, то вряд ли с этим справлюсь. Но попытаться было необходимо.

– Такой? – Кепочкин бережно внес на ладони новенькую запчасть.

– Вот – вот, то, что надо! – кивнул я.

– Полтинник, гад, стоит! Придется Скобе с получки отдавать...

– Так шеф вроде не разрешил брать у него деньги, – рассмеялся я.

Кепочкин посмотрел на меня с сожалением:

– У нас в отделе есть вещи, о которых говорят, а есть – которые подразумевают! Говорим – взять из нашего с Григорычем «общака», подразумеваем – «раскрутить» Скобу!

– А кто такой этот Скоба?

– Стажер, кто же еще?! У кого же еще, как не у стажера можно сейчас одолжить деньги? Людей форма портит, – грустно вздохнул он, – стоит человеку надеть форму, как он становится в одночасье таким говном! Тьфу!

Не знаю, кого конкретно имел в виду разочарованный Кепочкин, я же в его словах узрел глубокую самокритику.

Вскоре ремонт был окончен и с некоторым волнением я включил телевизор в сеть. Подогревшись, экран засветился, заморгал оживленно частыми полосами, но вскоре картинка выровнялась и стали различимы лица людей.

– Боже мой! – ошарашенно отступил Кепочкин. – Заработал! Ну ты, Петр, мастак, однако! Григорыч! – крикнул он куда – то за дверь.

– Ну... – появился тот вскоре и, заметив светящийся экран, растянулся в улыбке: – Это дело надо обмыть! Ты как, Кепочкин?

– Ну, а как же?! Денег у Скобы больше нет, надо непременно.

И он выудил из стола початую бутылку «Столичной» и трехлитровую банку маринованных огурцов. Налив в три рюмки, чокнулся с экраном телека и с серьезным видом произнес:

– За искусство, которое требует таких жертв!

Мы выпили и захрустели пикулями.

– Так... – посмотрел зам на свои часы, – сериал через десять минут, излагай, Петр, свою просьбу Георгию Григорьевичу, только кратко!

– Так – с, – шеф сел на свое место и приготовился слушать, с нетерпением, впрочем, поглядывая на экран.

– Хочу изучить материалы о самоубийствах мальчишек в районе, которые произошли осенью прошлого года.

– Зачем? – удивился шеф. – Поверьте, в этих делах нет ничего интересного или, там, загадочного...

Я незаметно включил брелок–диктофон – мнение самого главного здесь милиционера стоило записать!

– ...Обычный юношеский максимализм – не купила мать компьютер – в петлю! Бросила подружка – туда же! Обычная в наше время история.

– Не совсем обычная, – позволил я себе не согласиться с официальным мнением.

– По – крайней мере, здесь нет никакого криминала – уж не думаете вы, что кто – то насильно затащил детишек в петлю?!

– Я так не думаю...

– Григорыч, да пусть человек почитает, ведь в тех делах никакого секрета нет!

– Пусть читает, – махнул рукой тот и полностью переключил внимание на экран.

– Пойдем! – Кепочкин провел меня в архив и попросил сидевшего там юношу: – Горобец, покажи Петру прошлогодние дела о самоубийствах несовершеннолетних.

– Слушаюсь... – нехотя оторвался тот от книги и побрел куда – то за шкафы.

– Дела пылятся у нас, – объяснил Кепочкин, – в прокуратуре ими не интересуются, состава преступления в них нет...

– «Менты»! – послышался в коридоре крик шефа.

– Ну, ты изучай, а я пошел – Григорыч зовет, кино началось.

Сев поближе к окну, где освещение было получше, я обложился папками. Горобец поначалу пристально следил за моими действиями со своего места, но вскоре потерял всякий интерес и уткнулся в свою книгу.

Тогда я, подперев голову рукой с зажатой в ней «Мальборо» – фотоаппаратом, стал методично нажимать на спуск, медленно перелистывая один скоросшиватель за другим.

Через полчаса все документы были пересняты и возвращены обратно. На обратном пути я завернул в кабинет Георгия Григорьевича. Раскинувшись в креслах, они с Кепочкиным с упоением смотрели фильм, то и дело гогоча и комментируя сцены.

– Ну что, нашел что –нибудь интересное? – спросил с усмешкой шеф.

– Ничего... – покачал я головой.

– Ну вот, я же говорил – обычное дело. Кепочкин, подпиши человеку пропуск!

– Ну давай, Петр, заходи в гости, если будет желание, – он назвал свой домашний адрес, – я познакомлю тебя со своей женой – пусть увидит, какие на самом деле журналисты, а не какие – то там мистические «орловы»... Короче, бери «пузырь» и заходи!

Он отдал мне пропуск и вернулся на свое место досматривать сериал.

Возвратившись в Величковку, я заехал в фотолабораторию. Завидев меня, приемщица озарилась приветливой улыбкой и протянула заказ.

– Уже готово? – нарочито удивился я, беря пухлый конверт с отпечатками.

– А мы для вас вне очереди сделали!

– Я – ваш должник!

– Вы – наш лучший клиент! Заходите почаще, – выглянула другая девушка в фирменном комбинезоне.

– Спасибо, – поблагодарил я и пожалел, что с собою у меня нет больше угощений – на такую доброту не стоило скупиться!

Зайдя в магазин хозяйственных товаров, купил недорогой телефонный аппарат, а в цветочном киоске выбрал большой букет душистых астр, намереваясь заехать в Дом культуры к Жанне.

У нее в это время были посетители и, чтобы не терять времени даром, я зашел в имеющийся здесь же шахматный клуб и сыграл с каким – то сухоньким старичком партию, которую, к своему удивлению, проиграл довольно быстро, хотя и имел разряд; и все же, лукаво улыбаясь, дедуля без особых усилий загнал моего перепуганного короля в угол и объявил мат, искусно избежав почти верной патовой позиции.

Пожав мою руку своей, не по возрасту крепкой, он великодушно похвалил:

– У вас выразительный стиль игры, молодой человек, но нет твердости в эндшпиле! Дебют же вы разыграли великолепно! С такими людьми играть – одно удовольствие. Приходите еще, я покажу некоторые хитрости, которые будут вам полезны.

– Непременно зайду, – пообещал я, все еще не пришедший в себя после упорного поединка.

Увидев меня с букетом, Жанна смущенно улыбнулась и прижалась к моей груди.

– Спасибо, – тихо поблагодарила она.

– Ты сейчас занята?

– Да, у меня назначена встреча.

– Тогда я заеду вечером и отвезу тебя домой, хорошо?

– Это было бы очень удобно!

– Я был сегодня в отделе и видел те материалы, о которых ты мне говорила. Сейчас я немного все отредактирую и ты мне их прокомментируешь, ладно?

– Я буду рада ответить на все ваши вопросы, господин Орлов! – шуточно согласилась она.

– Да какой я «господин»?! Так, «товарищ»...

И, полюбовавшись, как она умело составляет букет в вазе, удалился.

На стенде с объявлениями у входа в клуб мое внимание привлекла большая яркая афиша. Ух ты! Оказывается, где – то здесь в районе есть парашютный кружок, приглашающий записаться всем желающим. Неплохо, надо будет непременно съездить и совершить пару – тройку прыжков!

Я тут же представил себя в свободном падении и от удовольствия засвистел популярный мотивчик. Но тут же оборвал себя: где – то совсем рядом грянул медным гласом похоронный марш. Пропуская траурную процессию, я заметил на катафалке у открытого гроба знакомое лицо. Это были похороны старого агронома Загоруйко, а молодой человек – его сын, тот самый, что так нелюбезно обошелся с нами в день смерти отца.

– Хороший был человек... – Вахтерша тоже вышла поглазеть.

– Это его сын рядом? – уточнил я.

– Да, Виктор.

– Чем он занимается?

– Фермер, имеет хороший земельный участок, что – то около двухсот гектаров пашни. Толковый молодой человек! До этого был тренером по боксу, чемпионом края, но недавно

попросил выделить ему пай и год назад получил свой первый урожай пшеницы. Потрясающая была урожайность! Со всего края к нему приезжали любопытные репортеры, снимали, фотографировали и даже по телевизору показывали! Вот уж правду говорят – талантливый человек – он во всем талантливый!

– И все же бокс и агрономия – вещи совершенно разные, – удивился я. – Вот так вот взять и за первый сезон стать лидером – дело довольно необычное, не так ли? Как же это ему удалось?

– Не знаю. Может, земля хорошая досталась, может, отец помогал какими советами, кто его знает? Это ведь не наше дело. Жалко – то как Степана Федоровича, ох, как жалко...

Она принялась вытирать уголком носового платка увлажнившиеся глаза.

Поддавшись какому – то профессиональному импульсу, я быстро запрыгнул в свою машину и, чтобы не обгонять процессию, объехал боковыми уголками и остановился у гостиницы; по моим расчетам, траурное шествие как раз пройдет в аккурат мимо нее.

Вооружившись видеокамерой, я стал ожидать, когда в раме окна моего номера появится вереница скорбящих. Разумеется, мне известно, что наблюдать похороны подобным образом почему – то не разрешается, но сейчас я был при исполнении своих журналистских обязанностей. Не знаю пока, каким образом смогу включить этот материал в ткань своего расследования, но мало ли... Будучи начинающим корреспондентом, я частенько проходил мимо многих, казавшихся на первый взгляд незначительными, событий, из которых впоследствии можно было бы соткать потрясающий опус, но, увы, все к тому времени было уже безвозвратно потеряно... Не зафиксированное вовремя мгновение теряется навсегда! Поэтому, когда показался оркестр, я поймал картинку в видеоискателе и принялся снимать. Увеличил немного кадр, когда перед объективом вырос катафалк. Посмотрел внимательно на выражение лица Виктора; сначала я не заметил ничего интересного – обычное лицо, застывшее в скорбной неподвижности. Но тут мое внимание привлекли его глаза. Нет, ничего вроде необычного – покрасневшие, распухшие глаза, но больно уж беспокойные они были какие – то... То и дело Виктор бросал короткие взгляды на идущих позади людей, словно выискивая кого – то. Желваки время от времени играли на его скулах. Явно чем – то озабочен...

Я решил не выключать камеру, пока не сниму всю длинную вереницу прощающихся; при этом старался всмотреться в каждое появляющееся на экране камеры лицо. Ничего необычного, люди ведут себя по – разному: кто – то идет тихо, погруженный в свои мысли; некоторые беседовали, курили или даже позволяли себе чему – то улыбаться. Все чинно и торжественно...

Наконец последние ряды прошли и исчезли за границами окна.

«Ну, ладно», – пробормотал я и отложил камеру в сторону. Достал ноутбук и подключил к нему пачку – фотокамеру.

На экране тут же возникли документальные кадры милицейских папок. Что ж, теперь есть что изучать. Параллельно я просматривал материалы, переданные мне Жанной.

«Пименов Антон, тысяча девятьсот восемьдесят седьмого года рождения. Мать – колхозница, отец – механизатор. Учился средне, был живым, общительным. Хобби – разводил кроликов в приусадебном хозяйстве, мечтал стать ветеринаром. Был вполне здоровым человеком, попыток к суициду ранее не было. Покончил с собой, перекинув веревку с петлей через толстую ветку дерева в домашнем саду. Причем буквально за полчаса до самоубийства его бабушка видела внука совершенно спокойным, не проявлявшим никаких признаков неадекватного поведения. Он шутил и предупреждал, что через час будет обедать, только немного управится. Однако к обеду не появился и только к вечеру был обнаружен мертвым».

Я покрутил трекбол на ноутбуке, и на экране возник фотоснимок, сделанный следователем: на обычной бельевой бечевке, перекинутой через ветку раскидистой яблони, висел хилый на вид мальчишка. Глаза выпучены, на лице застыло вопросительное выражение; ноги не доставали до земли около полуметра, и я сразу не сообразил, как без сподручных средств, скажем,

табуретки или пенька, ему удалось совершить самоубийство. Но затем заметил рядом довольно длинный сук, забравшись на который и затянув петлю на шею, затем можно было, спрыгнув, легко решить этот вопрос...

Далее. «Артюх Павел, восемьдесят восьмого года рождения; мать – медработница, растила сына одна, разведшись семь лет назад с мужем – алкоголиком. Учился хорошо, был начитанным, смысленным, увлекался восточными единоборствами, хорошо рисовал. Мечтал стать профессиональным военным. Был уравновешенным, никаких отклонений в поведении, и тем более попыток к самоубийству, никогда не было. По натуре – лидер.

Покончил с собой, запершись у себя в комнате и повесившись на капроновом шнуре, привязанному к спортивной перекладине, встроенной в дверной косяк...»

Неожиданно в номер постучали. Отворив дверь, я увидел на пороге Жанну.

– Я уже освободилась и решила, что буду полезна здесь, ведь ты собирался изучать материалы.

– Да – да, заходи. Я сейчас как раз изучаю все эти истории. Ты очень кстати!

Я пропустил девушку в комнату и усадил рядом с собой перед монитором.

– Я изучил уже дело Пименова, – вернулся я к предыдущему файлу, – и начал читать папку Артюха.

– Да, с Пименовым нет никакой ясности, одни вопросы. Ну в самом деле: человек, который в тот день был все время дома, ухаживал за животными, собирался вот – вот идти обедать – и вдруг идет в сад и кончает с собой. Никакой логики!

– Никакой... – вынужден был согласиться я.

– Для себя в каждом случае я выводила такой своеобразный критерий: обстоятельство, которое с некоторой долей вероятности могло стать причиной случившегося. Так вот, единственный такой критерий, который мне удалось выявить в данном случае – это гибель несколькими днями ранее двух только что родившихся крольчат. Я, разумеется, не думаю всерьез, что это сколь – либо серьезно могло повлиять на психику мальчика, но это единственный кризисный момент в данном случае...

– Хорошо, ну а что ты скажешь насчет Артюха? Какие в его случае были «критерии»?

– Видишь ли, здесь более – менее можно делать предположения... Павел был по натуре лидером...

– Угу, – кивнул я, – это я как раз о нем прочел.

– В последнее время у него были неприятности в школе. Из – за больших нагрузок в спортклубе – шла подготовка к соревнованиям, на которые он стремился попасть во что бы то ни стало – успеваемость его несколько снизилась, что стало причиной беспокойства классного руководителя и незначительных конфликтов с матерью. Я разговаривала с ней, она произвела на меня впечатление женщины разумной, вполне способной на компромисс. Она утверждает, что как раз в последнее перед бедой время сын справился – таки с отставанием от школьной программы и вскоре должен был ехать на соревнования, ибо был зачислен накануне в сборную.

– Может, сказались большие нагрузки на неокрепшую психику? – выдвинул я свое предположение.

– Это было бы заметно, но у мальчика не было ни нервозности, ни апатии, ни обычной в таких случаях потери аппетита. Напротив, он выглядел счастливым и радовался своей двойной маленькой победе.

– Что произошло потом?

– Он ушел как обычно учить уроки в свою комнату. Вечером мать пошла звать его к ужину, но дверь оказалась закрытой изнутри, и на стук сын не отзывался. Это очень ее испугало, – ведь обычно Павел никогда не запирался и вообще никаких секретов он не имел. Предчувствуя страшное, она выбила дверь и тут же столкнулась со свисавшим с косяка телом. Мальчик был мертв уже около двух часов...

На экране появилась фотография с места происшествия: тело юноши свисало ровно посередине дверного проема; капроновый шнур глубоко врезался в шею.

– Жуткая картина... – Жанна невольно отвела взгляд от монитора.

– Пивень Артем, – открыл я следующую папку, – восемьдесят девятого года рождения. Что о нем?

– Этот мальчик был неблагополучным, жил вдвоем с бабушкой, мать родила его в свои неполные семнадцать лет, кто отец – неизвестно. Последние несколько лет она оставила сына на попечение своей престарелой матери и уехала с каким – то новоявленным кавалером куда – то на Север. С тех пор от нее ни ответа, ни привета. Бабушка Артема – женщина набожная, баптистка, регулярно брала внука с собой на богослужения. Все происходящее там он, по ее словам, воспринимал очень серьезно, часто спрашивал, не будет ли тот или иной его поступок грехом. И уж тем более ему было известно, что самый большой грех – самоубийство! Однако в ту роковую ночь он не стал ничего выяснять у нее, а покончил с собой, повесившись на электрическом шнуре – «переноске», прикрепленном к крючку для люстры. Когда утром бабушка вошла к нему в комнату, он был уже окоченевший.

– Какова версия?

– Возможно, он обнаружил какие – то глубокие противоречия между тем, чему его учила религия, и тем, что он наблюдал в действительности. Но все же надо будет обязательно узнать подробнее об этих богослужениях.

Я согласно кивнул на это и сделал пометку у себя в записной книжке.

– Может, они вообще сатанисты? – сделал я предположение.

– Нет. Если ты возвращаешься к вопросу о сектах, то это совсем не то, что ты думаешь. Это скорее своеобразная община, ее многие в станице знают, ничего дурного о ней никто не говорит.

– Ну вот, а раньше ты говорила, что никто из детей не состоял в подобных организациях! – пожурил я.

– Я просто в тот момент подумала совсем о другом... ну, о чем – то страшном...

– Как Артем учился в школе?

– Весьма посредственно. Но это его не беспокоило. Вообще, он немного отставал в развитии, но шизофреником не был, это точно. Дальше... – она перелистнула страницу, – Стрига Руслан, мать – продавец в магазине, отец – электрик в колхозе, семья вполне благополучная. Увлекался географией, часто пропадал летом на речке, строил с товарищами деревянные плоты и пускался с ними в недалекие прибрежные плавания. Той злополучной осенью собрал рюкзак и отправился один в поход. Его обнаружили трактористы, вспахивающие поле; на кургане с растущим на его вершине одиноким деревом их внимание привлекло что – то мелькающее в ветвях. Это был Руслан, повесившийся на альпинистской веревке.

Я взглянул на фотографию: переплетенный ветвями, словно шупальцами огромного спрута, мальчик, раскинув руки в стороны, был словно распят. Особенно эта ситуация была яркой, когда смотришь на курган, снятый издали. Широко открытыми остекленевшими глазами он смотрел куда – то вдаль – туда, где ему уже не суждено было увидеть новые места...

– Когда я первый раз увидела этот снимок, я всю ночь не могла уснуть, – призналась Жанна. – Ничего ужаснее и представить себе нельзя, правда?

– Мистика, да и только! – покачал я головой. Версия?

– У Руслана была болезнь суставов, и кто – то из врачей проявил непрофессионализм, дав ему понять, что лет через десять тот будет передвигаться с трудом. Зная его тягу к путешествиям, можно было бы предположить, что это сыграло свою роковую роль. Но – по словам родителей и всех, кто близко знал Стригу, – он был неисправимый оптимист. Любовь к жизни, на мой взгляд, в любом случае должна была быть сильнее будущих проблем, тем более не осо-

бенно – то и ясных пока еще. Как видишь, все мои объяснения – не более чем фантазии, ибо ни в одном случае не было сколь – либо значимых причин для рокового шага.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.